

Observatoire ARGA

Отчёт по санкциям и комплаенсу за 2025 год

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ЭЛИТ, БЕЖЕНЦЕВ И
WHISTLEBLOWERS ИЗ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ**

**Трансграничные Преследования, Экстрадиционные Риски и
Новая Архитектура Прав Человека**

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA – подразделение по санкциям и комплаенсу

Адрес для корреспонденции: 14 rue Jacques Laffitte, Байонна, 64100

Контакты: info@argaobservatory.org

Париж, 11 ноября 2025

Оглавление

Резюме.....	3
Эти лица сталкиваются одновременно с:	3
Ключевые исследовательские векторы, которые будут развёрнуты в докладе:	4
1. Методология.....	4
2. Введение: новая категория международно защищаемых лиц	5
Экономически-политические беженцы корпоративно-силового происхождения	5
3. Природа преследований: политико-экономический контур.....	6
3.1. Силовая борьба внутри элит: политический контроль через уголовное право.....	6
3.2. Корпоративные войны как основа экономического преследования	7
3.3. Политические «зачистки» и централизованный контроль ресурсов.....	7
3.4. Транснациональные схемы давления: экспорт репрессий за пределы границ	7
3.5. Преследование через угрозу семьям и родственникам.....	8
4. Механизмы трансграничного давления	8
4.1. Интерпол и злоупотребление статьями 159, 199, 210 и аналогами	8
4.2. Экстрадиционные запросы как механизм возврата элит	9
4.3. Давление через семьи как нелегальный, но системный механизм	9
4.4. Международные поручения о заморозке активов	9
4.5. Трансграничные медиа-атаки и цифровая репутационная война	10
5. Региональная карта угроз.....	10
5.1. Россия — системное производство уголовных дел, заморозка активов, атаки через семьи.....	10
5.2. Казахстан — элитные разломы, экстрадиционные запросы, “возврат активов” как доктрина ...	11
5.3. Узбекистан и Кыргызстан — силовые группы как экономические игроки, многоуровневые коррупционные схемы.....	11
5.4. Азербайджан — преследование бизнес-элит и свидетелей, экспорт уголовных дел за рубеж ...	12
5.5. Грузия и Армения — цифровые маршруты капитала, финтех-узлы, корпоративные конфликты с международным следом.....	12
6. Case Studies	13
Case 1 — Бывший чиновник, преследуемый политико-коррупционной группой	13
Case 2 — Предприниматель, вовлечённый в корпоративную войну с трансграничным компонентом	13
Case 3 — Whistleblower крупной финансовой структуры	14
7. Международно-правовые рамки защиты.....	14
8. Прогноз 2025–2027	15
9. Рекомендации ARGA Observatory.....	17
9.1. Международным структурам	17
9.2. ЕС и США	17
9.3. Юридическим и академическим центрам.....	18
10. Заключение	19
Источники.....	20

Резюме

Глобальная система международной защиты — от классического политического убежища до статусов *refugee*, *subsidiary protection*, *human rights protection*, *non-refoulement* — входит в период системной турбулентности. В XXI веке право на убежище перестало быть институтом исключительно гуманитарного характера и превратилось в поле геополитического соперничества, информационных войн и ресурсных конфликтов.

С усилением авторитарных режимов в Евразии, на Южном Кавказе, в Центральной Азии, а также в ряде государств Восточной Европы и Ближнего Востока, произошла структурная трансформация миграционных потоков. К традиционным категориям преследуемых добавилась новая группа: элиты, предприниматели, *whistleblowers*, силовые диссиденты, чиновники высокого уровня, медиа-активисты и фигуранты корпоративных войн, обладающие политической значимостью, доступом к чувствительной информации и крупным капиталом.

Новая миграционная волна отличается от классической модели беженства как по мотивации, так и по рисковому профилю.

Эти лица сталкиваются одновременно с:

- политизированными уголовными делами и фабрикацией доказательств;
- Interpol Abuse и манипуляциями каналами международного розыска;
- экстрадиционными запросами, основанными на сфабрикованных обвинениях;
- давлением на семьи, родственников и персонал;
- заморозкой активов, международным шантажом, рейдерством;
- угрозами физической расправы и внегарантийной выдачи через третьи страны;
- корпоративными войнами, сопровождаемыми уголовно-правовыми инструментами.

Таким образом, политическое преследование перестало быть только идеологическим — оно стало экономическим и корпоративным, охватывающим собственность, транзакции, цифровые активы, бизнес-империю и трансграничные инвестиции. Международное убежище превращается в правовой щит от силового давления государств, а государства — в активных участников экономической борьбы за капиталы и доступ к информации перебежчиков.

Доклад ARGA Observatory предлагает концептуальную рамку для анализа новой генерации беженцев и защищаемых лиц, а также формирует теоретическую основу для развития механизмов международной защиты:

Ключевые исследовательские векторы, которые будут развёрнуты в докладе:

1. Типологии преследуемых элит и whistleblowers, их политико-экономический профиль.
2. Механизмы трансграничного давления: Interpol Abuse, экстрадиция, MLAT, freezing order.
3. Уязвимости международного права — как оно используется против заявителей.
4. Маршруты спасения, страны-убежища, зоны высокого риска.
5. Стратегии защиты, включая адвокацию, правовые механизмы и цифровую безопасность.
6. Прогноз трансформации системы убежища к 2030 году.

Доклад фиксирует рождение новой архитектуры прав человека, где убежище становится не только гуманитарным институтом, но и механизмом геэкономической защиты, инструментом противостояния коррупционным системам и каналом сохранения правовых субъектностей в условиях репрессий.

1. Методология

Доклад опирается на междисциплинарную исследовательскую модель, объединяющую правовой анализ, сравнительную политологию, практику международной защиты и эмпирическое изучение кейсов.

Исследование построено на следующих основаниях:

— анализ решений CCF (Interpol), UN WGAD, UN Special Rapporteur on Independence of Judges and Lawyers, UN Special Rapporteur on Torture, что позволяет выявить международные стандарты оценки преследования и критерии признания политической мотивации;

— изучение решений Европейского суда по правам человека, апелляционных судов Франции, Германии, Испании и Великобритании, применяемых при оценке экстрадиционного риска, non-refoulement и добросовестности уголовного преследования;

— компаративный анализ 139 кейсов международной защиты (2016–2025), включающий политические, экономические и высокопрофильные корпоративные преследования внутри СНГ, Кавказа и Центральной Азии;

— сопоставление данных по экстрадиционным запросам государств авторитарного типа, включая статистику выдач, отказов, судебных блокировок и отложенных процедур;

— мониторинг корпоративных преследований как формы трансграничного давления на бизнес и владельцев активов, включая Interpol Abuse, freezing orders и запросы mutual legal assistance;

— правовой и политический анализ внутреннего контекста государств-источников преследования: институциональной независимости судов, роли силовых структур, уровня политизации уголовного процесса;

— практический опыт защиты заявителей, накопленный ARGA Observatory, включающий участие в подготовке жалоб в ССФ, WGAD, ЕСПЧ, а также разработку стратегий политического убежища и предотвращения экстрадиции.

Методологическая конструкция позволяет рассматривать международную защиту одновременно как юридическое явление, политический процесс и инструмент геэкономической борьбы, что обеспечивает аналитическую полноту исследования.

2. Введение: новая категория международно защищаемых лиц

Традиционные основы международного права в сфере убежища и защиты строились вокруг классической триады групп риска: политические диссиденты, журналисты, правозащитники и гражданские активисты. Именно они на протяжении десятилетий рассматривались как ключевые носители угрозы преследования со стороны авторитарных государств.

Однако в период 2014–2025 гг. произошёл структурный сдвиг: трансформация характера авторитарных режимов, цифровизация надзора, сращивание бизнеса и государства, а также санкционно-экономическая турбулентность привели к появлению нового слоя лиц, нуждающихся в международной защите.

Эта категория получила условное определение:

Экономически-политические беженцы корпоративно-силового происхождения

К ней относятся:

- бывшие и действующие чиновники, утратившие политическую лояльность;
- предприниматели и владельцы крупного капитала;
- топ-менеджеры государственных и квазигосударственных компаний;
- сотрудники силовых структур, потерявшие институциональную защиту;
- эксперты, аналитики и технические специалисты с доступом к конфиденциальной информации;
- whistleblowers, раскрывающие коррупционные схемы, закулисные договорённости и государственные преступления;

— свидетели крупных экономических злоупотреблений и политизированных уголовных дел.

Главная особенность этой группы состоит в том, что преследование в их отношении не носит исключительно политического характера, а приобретает гибридную форму, где соединяются:

уголовные обвинения → экономические интересы → политическая лояльность → контроль над капиталом → борьба элит.

Таким образом, эти лица становятся объектами давления не за убеждения, а за доступ к ресурсам, данным, капиталу и управленческим рычагам. Экстрадиционные запросы, Interpol Abuse, конфискации активов, принудительные сделки и международные информационные кампании используются как инструменты геополитической конкуренции.

Именно эта трансформация и определяет необходимость пересмотра подходов международной защиты и развития новых доктрин — от political asylum к economic-political asylum.

3. Природа преследований: политико-экономический контур

Эмиграция элит, предпринимателей и whistleblowers из авторитарных государств не может быть объяснена лишь политическим несогласием. В действительности механизмы давления формируются на стыке власти, капитала, силового контроля и корпоративной конкуренции, что превращает международную защиту в многоуровневую задачу. ARGAs Observatory выделяет пять фундаментальных драйверов, определяющих природу преследования данной категории лиц.

3.1. Силовая борьба внутри элит: политический контроль через уголовное право

В странах с низкой институциональной автономией государственный аппарат используется как инструмент устранения конкурентов внутри правящего слоя. Преследования возникают в периоды:

- смены политического центра влияния,
- перераспределения госресурсов,
- конфликта между наследуемыми кланами и «новыми игроками»,
- падения доверия к бывшим лоялистам.

Уголовное преследование становится не санкцией, а методом управления элитой, удержания капитала внутри государства и предотвращения раскола внутри власти.

3.2. Корпоративные войны как основа экономического преследования

Экономическая конкуренция в авторитарных системах редко решается через суд. Конфликты между крупными корпорациями трансформируются в:

- возбуждение дел по ст. *мошенничество, уклонение от налогов, легализация доходов*,
- блокировку банковских счетов, аресты собственности,
- давление через следствие, СМИ и спецслужбы,
- принуждение к передаче долей и активов.

В этой модели уголовное дело — инструмент рейдерства и перераспределения собственности, а эмиграция владельца капитала рассматривается не как бегство, а как фаза корпоративной атаки.

3.3. Политические «зачистки» и централизованный контроль ресурсов

В период экономических кризисов и внешнеполитической изоляции государства усиливают централизованный контроль над финансовыми, сырьевыми и инфраструктурными активами. Возникают кампании, обозначаемые как «антикоррупционные реформы», но фактически сопровождающиеся:

- снятием нелояльных чиновников и топ-менеджеров,
- преследованием свидетелей коррупции,
- конфискацией имущества под видом возмещения ущерба.

Механизм работает как экономическая фильтрация власти, а международное преследование часто — способ вернуть фигуранта для «завершения сделки».

3.4. Транснациональные схемы давления: экспорт репрессий за пределы границ

Авторитарные государства всё чаще используют международные правовые механизмы как инструмент преследования, включая:

- запросы в Интерпол (Red Notice, Diffusion),
- экстрадиционные запросы по двусторонним и Минской конвенциям,
- запросы о заморозке активов, MLAT-взаимодействие,
- трансграничные следственные поручения.

Цель — не столько вернуть человека, сколько создать глобальную ловушку, в которой фигурант лишён возможности передвижения, финансового доступа и защиты.

3.5. Преследование через угрозу семьям и родственникам

Одним из наиболее опасных и системных элементов является вторичный контур давления, направленный не на самого эмигранта, а на его окружение:

- удержание детей в стране происхождения,
- уголовные дела против супругов, родственников, партнёров,
- угрозы расправой и насилием,
- арест имущества семейных членов.

Так государство выстраивает эмоционально-репрессивную модель возвращения, когда фигуранта вынуждают не через право, а через страх за близких.

4. Механизмы трансграничного давления

Современная архитектура политически мотивированных преследований строится на экспортируемых инструментах правового воздействия. Авторитарные государства научились проецировать силу за пределами своих границ, используя международное право, экстрадиционные механизмы, финансовые запросы, медийные кампании и давление на семьи бежавших. ARGA Observatory идентифицирует пять ключевых каналов трансграничного воздействия, формирующих новую систему репрессий.

4.1. Интерпол и злоупотребление статьями 159, 199, 210 и аналогами

Экономические составы преступлений стали *универсальной валютой* уголовного преследования — они выглядят «политически нейтральными», что позволяет государствам добиваться международного розыска, маскируя настоящие мотивы.

Ключевые признаки:

- возбуждение дел по мошенничеству, налоговым и экономическим статьям при отсутствии реального ущерба;
- заочные аресты, лишаящие фигуранта возможности вернуться для защиты;
- направление Red Notice и Diffusion без доказательной базы, с опорой на односторонние процессуальные материалы;
- использование экономической квалификации как «обход» запрета Интерпола на политические дела (ст. 3 RPD).

Такие случаи часто сопровождаются параллельной медийной дискредитацией, что создаёт «правовую иллюзию вины» для внешних юрисдикций.

4.2. Экстрадиционные запросы как механизм возврата элит

Запросы на выдачу становятся инструментом *принудительного возвращения* фигурантов и контроля над их активами.

Типичные маркеры злоупотреблений:

- фабрикация доказательств, созданных постфактум;
- обвинения в коррупции, хищении, злоупотреблении должностью — без финансовой экспертизы и независимого аудита;
- попытки добиться экстрадиции через третьи страны (в обход ЕС/УК);
- нарушение Конвенции против пыток (UNCAT) и принципа non-refoulement, который запрещает выдачу, если существует риск пыток или политической расправы.

Всё чаще экстрадиционный запрос используется не как правовой инструмент, а как форма давления, принуждающая фигурантов к «сделке», отказу от активов или публичному молчанию.

4.3. Давление через семьи как нелегальный, но системный механизм

Авторитарные государства применяют *вторичный контур преследования*, ударяя по наиболее уязвимой точке — родственникам. Проявления:

- возбуждение уголовных дел против супругов, братьев, деловых партнёров;
- блокировка выезда детей или их фактическое удержание внутри страны;
- использование угроз, шантажа, давления через школы, опеки, соцорганы;
- вызовы на допрос пожилых родителей, создание искусственной зависимости.

Цель — вынудить эмигранта отказаться от политической активности, дать показания, вернуть средства или согласиться на экстрадицию.

Это — форма репрессивной кинетики, где жертва власти — не тот, кто бежал, а тот, кто остался.

4.4. Международные поручения о заморозке активов

Экономическое давление — ключевая фаза трансграничных репрессий.

Механизм функционирует через:

- запросы о блокировке банковских счетов и недвижимости;
- представление фиктивных материалов, не содержащих экспертиз и судебных решений;
- давление на европейские банки через MLAT-каналы и запросы прокуратуры;
- попытки использовать AML-регуляцию для захвата имущества (в стиле *asset seizure without trial*).

В ряде кейсов активы блокируются *до судебного решения*, а затем передаются подконтрольным структурам внутри страны происхождения. Это — квази-легальная форма рейдерства на международном уровне.

4.5. Трансграничные медиа-атаки и цифровая репутационная война

Юридическое давление почти всегда сопровождается информационным.

Стратегия включает:

- публикации в аффилированных СМИ, формирующие образ «коррупционера/мошенника»;
- фабрикации компрометирующих материалов, утечки «допросов» и «финансовых документов»;
- распространение фейковых расследований через Telegram-сети и ботофермы;
- координированные PR-кампании для влияния на суды стран ЕС.

Сильнейший эффект проявляется, когда медийная дискредитация сочетается с запросом в Интерпол и экстрадицией — это создаёт многоуровневую ловушку, из которой фигурант пытается защищаться в нескольких странах одновременно.

5. Региональная карта угроз

Механизмы давления на элиты, беженцев и свидетелей коррупционных схем неоднородны по регионам. Однако во всех странах Евразии прослеживается общий вектор — использование уголовного преследования и экстрадиционных запросов как инструмента политико-экономического контроля. Ниже представлены доминирующие модели.

5.1. Россия — системное производство уголовных дел, заморозка активов, атаки через семьи

Российская практика характеризуется массовой криминализацией экономической активности. Дела по ст. 159, 199, 210, 174 и 172.2 используются как универсальный механизм давления на собственников и бывших чиновников.

Ключевые угрозы:

- фабрикация экономических составов при отсутствии реального ущерба;
- уголовное сопровождение корпоративных войн и перераспределения активов;
- давление на семьи через возбуждение дел и ограничения выезда;
- запросы в Интерпол + медиадискредитация для легитимации преследования;
- принуждение к «добровольному» возврату активов и показаниям.

Россия — источник наибольшего количества Red Notices из региона, что делает её главным драйвером Interpol Abuse.

5.2. Казахстан — элитные разломы, экстрадиционные запросы, “возврат активов” как доктрина

После перераспределения власти в 2022 году Казахстан перешёл к масштабному поиску вывезенного капитала. Под лозунгом «возврата активов» реализуется политико-клановый контроль над собственностью, где уголовное преследование служит инструментом экономического регулирования и устранения конкурентов.

Ключевые риски:

- уголовные дела против бывших чиновников и бизнес-элит;
- конфискации при минимальных судебных гарантиях;
- экстрадиционные запросы и дипломатическое давление на ЕС/ОАЭ;
- преследование whistleblowers, раскрывающих схемы приватизации;
- «расширенная конфискация» как инструмент политического подчинения.

Казахстан — вторая по уровню экспортируемых экстрадиционных запросов юрисдикция региона.

5.3. Узбекистан и Кыргызстан — силовые группы как экономические игроки, многоуровневые коррупционные схемы

Обе страны демонстрируют устойчивую модель, при которой силовые и клановые структуры имеют прямой экономический интерес в конфискациях и преследованиях.

Узлы риска:

- уголовные дела по экономическим статьям как механизм перераспределения сырьевых и промышленных активов;

- конфискации без прозрачных процедур оценки ущерба;
- параллельные схемы вывода активов в ОАЭ, Турцию, Казахстан;
- давление на семьи фигурантов, удержание детей и изъятие собственности;
- использование криптовалют как инструмента скрытой репатриации капитала.

В Кыргызстане наиболее выражен фактор криминально-силового симбиоза, в Узбекистане — «теневой госкапитализм».

5.4. Азербайджан — преследование бизнес-элит и свидетелей, экспорт уголовных дел за рубеж

Азербайджан сочетает признаки политизированной экономики с внешним проецированием уголовной юрисдикции. Страна активно использует экстрадицию, заморозку активов и Interpol-каналы для давления на предпринимателей, бывших чиновников и whistleblowers.

Особенности:

- высокая доля дел, связанных с энергетикой и гос-контрактами;
- преследование свидетелей коррупционных схем и участников корпоративных конфликтов;
- трансграничное давление через семейные связи и активы в ЕС/Турции;
- информационные атаки и координированные PR-кампании против беглецов.

Азербайджан входит в топ-3 стран региона по количеству оспариваемых запросов в CCF.

5.5. Грузия и Армения — цифровые маршруты капитала, финтех-узлы, корпоративные конфликты с международным следом

Обе страны выполняют роль региональных хабов цифровых и финансовых транзакций, что делает их стратегической точкой для трансграничных расследований и корпоративных конфликтов.

Факторы риска:

- конкуренция вокруг финтех-компаний, криптоброкеров, платежных систем;
- корпоративные дела с транснациональным компонентом — активы, трасты, OTC-рынки;
- рост числа запросов о заморозке счетов и блокировке digital-assets;

- давление со стороны внешних государств на фоне внутренней институциональной хрупкости.

Здесь корпоративные войны чаще носят цифрово-финансовый, а не силовой характер, что сближает регион с моделью квазиофшорных юрисдикций.

6. Case Studies

Case 1 — Бывший чиновник, преследуемый политико-коррупционной группой

После смены власти и перераспределения экономических сфер влияния фигурант, ранее занимавший высокий административный пост, становится объектом уголовного дела по экономическим статьям. Формально обвинения основаны на «злоупотреблении полномочиями» и «причинении ущерба государству», однако анализ фабулы показывает отсутствие подтверждённых данных, экспертиз и факта ущерба.

Процедурная динамика разворачивается по классическому сценарию:

1. Возбуждение дела → формирование повестки «борьбы с коррупцией»
2. Выдача постановления о заочном аресте → создание основания для международного преследования
3. Подача Red Notice → попытка ограничить свободу передвижения
4. Экстрадиционная заявка → обращение в страны ЕС/США/ОАЭ
5. Давление на семью → арест счетов родственников, блокировка детей за границей

Ключевой элемент кейса — коррупционно-силовая коалиция, стремящаяся не к расследованию, а к устранению фигуранта и переделу ресурсного контроля. Бегство за границу не снизило риски: преследование переходит в транснациональную фазу через Interpol, дипломатические каналы и попытки доступа к активам в зарубежных банках.

Case 2 — Предприниматель, вовлечённый в корпоративную войну с трансграничным компонентом

Конфликт возникает на фоне борьбы за крупный актив (энергетика/логистика/ВПК — типовой сектор). После отказа бизнесмена уступить долю начинается серия мероприятий, полностью совпадающих с паттернами корпоративных войн в СНГ:

1. Возбуждение уголовного дела на внутреннем уровне
2. Наложение арестов на счета, недвижимость, корпоративные доли
3. Объявление в международный розыск, чаще всего до предъявления доказательной базы
4. Параллельная медиакомпания, формирующая образ «преступника»
5. Экспорт преследования на внешние юрисдикции: попытка заморозки активов в ЕС/ОАЭ/Китае
6. Подача MLAT/Interpol-запросов для легитимации давления

Главная цель — не судебное разбирательство, а экономическое принуждение к передаче контроля над активом. Неформальные переговоры нередко сопровождаются предложениями «урегулировать вопрос» в обмен на выплаты или отказ от владения.

Финал кейса часто зависит не от юридической позиции, а от способности фигуранта выйти на международные защитные механизмы (CCF, ЕСПЧ, UN WGAD) и скорейшей релокации активов в нейтральные юрисдикции.

Case 3 — Whistleblower крупной финансовой структуры

Фигурант передал внешним медиа и правозащитным организациям сведения о масштабных коррупционных операциях внутри госфинансового холдинга. После публикаций запускается уголовное преследование — формально по статьям о разглашении коммерческой тайны, экономическом ущербе или «хищении данных».

Особенности кейса:

- уголовное преследование используется как инструмент мести и устрашения, а не защиты закона
- одновременно запускается кампания дискредитации, whistleblower публично объявляется «мошенником»
- создаётся угроза физической безопасности: слежка, угрозы, давление на членов семьи
- активируется международный компонент: Red Notice, запрос на экстрадицию, попытка вернуть фигуранта под юрисдикцию силовой структуры
- Whistleblower обращается в UN WGAD, CCF, ЕСПЧ, добивается временной защиты и блокировки экстрадиции

Этот тип кейса иллюстрирует рождение новой категории защищаемых лиц: свидетели крупных финансовых и коррупционных структур, несущие критическую информацию, представляющую опасность для государства и связанных корпораций.

7. Международно-правовые рамки защиты

1. UNCAT — Конвенция ООН против пыток

UNCAT является одним из ключевых правовых оснований для отказа в экстрадиции, если существует риск применения пыток, бесчеловечного обращения или политически мотивированного насилия. Для заявителей из авторитарных юрисдикций Евразии эта норма становится центральным инструментом защиты, поскольку большинство экстрадиционных запросов содержат признаки политической или клановой мотивации, а условия содержания подследственных в странах исхода нередко противоречат минимальным стандартам ООН. В рамках UNCAT действует принцип *absolutely non-refoulement* — недопустимость возвращения лица туда, где угрожает жестокое обращение, даже при наличии тяжких обвинений.

2. Европейская конвенция по правам человека (ECHR) — статьи 3, 5, 6, 8

ECtHR применяет статьи 3 (запрет бесчеловечного обращения), 5 (право на свободу), 6 (право на справедливое судебное разбирательство) и 8 (право на семейную жизнь) к делам, связанным с Interpol Red Notice, экстрадицией и международными преследованиями. Эти нормы защищают не только политических диссидентов, но и предпринимателей, чиновников и whistleblowers, против которых возбуждаются экономические дела с политическим содержанием. Суд неоднократно указывал, что наличие уголовной статьи не исключает политический мотив, если дело сопровождается фабрикацией доказательств, давлением на родственников или угрозами расправы после выдачи.

3. Dublin Regulation, EFTA Framework и Schengen acquis

Европейские миграционные механизмы формируют правовую архитектуру распределения, рассмотрения и защиты иностранных заявителей, включая беженцев элитного уровня. Dublin III регулирует, какая страна ЕС несёт ответственность за рассмотрение ходатайства о защите, EFTA-зона предоставляет альтернативные маршруты юридического убежища, а Schengen acquis формирует правила пересечения границ, статуса лиц под международным преследованием и ограничения их перемещений. Для фигурантов Interpol Notice это определяет, возможно ли свободное перемещение в ЕС, и какая страна первой должна предоставить защиту при риске экстрадиции.

4. Стандарты Interpol, RPD и практика CCF

INTERPOL Rules on the Processing of Data (RPD), Общие резолюции и накопленная практика CCF формируют юридический тест на политическую мотивацию. Если запрос инициирован экономическими статьями, но сопровождается признаками политического давления, корпоративного рейдерства, конфликтов внутри элит или угрозами семье, CCF вправе отменить Red Notice, заблокировать циркуляцию данных и признать запрос злоупотреблением. Это становится ключевым инструментом защиты для высокопоставленных фигурантов, поскольку Interpol — единственный механизм, который может нейтрализовать трансграничное уголовно-силовое давление в реальном времени.

8. Прогноз 2025–2027

1. Рост числа “политико-экономических” беженцев

К 2025–2027 годам ожидается значительное увеличение заявителей на международную защиту среди представителей элит, предпринимателей, бывших силовиков, высокопоставленных чиновников и лиц, вовлечённых в корпоративные и политико-экономические конфликты. Основные страны-источники — Россия, Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан и Узбекистан, где усиливается борьба групп влияния, национализация активов и преследование фигурантов экономических дел. Международные институты столкнутся с категорией заявителей, которые обладают не только доказательствами преследования, но и крупным трансграничным капиталом, что усложнит статус, судебные процессы и критерии политического убежища.

2. Ужесточение борьбы ЕС с Interpol Abuse

Европейские страны перейдут к усиленным фильтрационным механизмам Red Notice и Diffusion Requests из государств, где фиксируются злоупотребления уголовными статьями. Уже к 2026 году прогнозируется внедрение дополнительного многоуровневого скрининга: проверка доказательств, анализ политического контекста, сопоставление с данными о собственниках бизнеса, родственниках и корпоративных конфликтах. Возможен запуск *EU Interpol Review Mechanism*, который будет автоматически блокировать уведомления, не соответствующие критериям RPD. Это существенно усложнит трансграничные преследования, но одновременно усилит давление авторитарных стран на своих граждан внутри региона.

3. Расширение роли UN WGAD и спецдокладчиков ООН

Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям (WGAD), Специальный докладчик по пыткам и Специальный докладчик по свободе выражения станут ключевыми механизмами защиты для предпринимателей и whistleblowers. Количество обращений к ним вырастет в 2–3 раза за счёт дел, связанных с конфискациями активов, Interpol Abuse, политизированными экономическими статьями и угрозами жизни в случае экстрадиции. Это усилит внешнее давление на правительства Евразии и создаст международные прецеденты, формирующие новые стандарты права.

4. Консолидация защитных мер в странах ЕС, США, Канады и УК

Впервые возникнет концепция «правовой защиты предпринимателей» как международного механизма, аналогичного институту политического убежища, но применимого к экономико-политическим преследованиям. Предполагается формирование юридического коридора, который будет включать:

- fast-track процедуры защиты,
- предотвращение экстрадиции,
- контроль банковских блокировок,
- механизм конфиденциального размещения капитала.

Это станет ответом на рост трансграничных корпоративных войн и будет учитывать как факторы угрозы, так и экономическую значимость защищаемого лица.

5. Институциональная поддержка whistleblowers как новая норма

К 2027 году ЕС введёт расширенные гарантии защиты информаторов, раскрывающих схемы коррупции, криминального финансирования, госзлоупотреблений и незаконного возврата активов. Возможен запуск *European Whistleblower Registry* и создание международной платформы обмена доказательствами. Такие реформы сформируют правовой щит над лицами, которые ранее оставались вне системы защиты, и повысят вероятность смягчения или автоматического блокирования международных розысков в отношении заявителей, предоставивших значимые сведения о коррупции.

9. Рекомендации ARGA Observatory

9.1. Международным структурам

Международным организациям — ООН, Совету Европы, ОБСЕ, институтам ЕС, Всемирному банку, органам ОЭСР и другим — необходимо перейти от эпизодического реагирования к системному мониторингу трансграничных преследований экономико-политического характера. Речь идёт о создании специализированного механизма наблюдения за делами, в которых уголовное преследование предпринимателей, бывших чиновников, силовиков и whistleblowers сочетается с признаками политического давления, корпоративных войн или принудительного перераспределения собственности. Такой мониторинг должен включать сбор и анализ данных о экстрадиционных запросах, использования Интерпола, заморозке активов и давлении на семьи, с возможностью формирования тревожных сигналов (early warning) по юрисдикциям высокого риска.

Отдельным блоком требуется усиление контроля за Interpol Abuse. Международные структуры могут рекомендовать создание совместных рабочих групп с участием ССФ, профильных спецдокладчиков ООН и правозащитных организаций для выработки критериев распознавания политико-экономически мотивированных запросов. Это предполагает регулярную публикацию агрегированных отчётов о случаях отказа в признании уведомлений, выявлении политического компонента, а также формирование списка юрисдикций, систематически нарушающих принципы RPD и используемых Интерпол как продолжение внутреннего силового давления.

В долгосрочной перспективе целесообразно разработать международный регистр политико-экономических преследований — структуру, которая аккумулирует обезличенные данные о делах, сочетающих экономические обвинения и политический/корпоративный контекст. Такой регистр не будет дублировать национальные реестры, а станет аналитическим инструментом: он позволит выявлять повторяющиеся схемы, сравнивать практики разных стран и использовать эту информацию для оценки рисков, подготовки страновых обзоров и формирования рекомендаций по реформам.

9.2. ЕС и США

Для Европейского союза и США ключевым вызовом становится признание того, что предприниматели, топ-менеджеры и whistleblowers из авторитарных режимов формируют особую категорию лиц, нуждающихся в защите. Рекомендуется формально включить такие кейсы в рамки систем международной защиты и процедур, связанных с убежищем, дополнительной защитой и защитой от экстрадиции. Это потребует адаптации внутренних стандартов: экономическое преследование с очевидным политическим, корпоративным или силовым компонентом должно трактоваться как форма политически мотивированного преследования, а не как “обычное” уголовное дело.

ЕС и США также нуждаются в ужесточении подхода к рассмотрению экстрадиционных запросов из государств с зафиксированными злоупотреблениями. Речь идёт не только о проверке риска пыток и несправедливого суда, но и о системной оценке:

- вовлечённости дела в корпоративные войны,
- связи с конфискациями и “возвратом активов”,
- давления на семьи и трансграничные активы,
- использования Интерпола или санкционного дискурса как части давления.

Практическим решением может стать введение презумпции сомнения в отношении определённых категорий дел и юрисдикций, пока не будет доказано отсутствие политико-экономического мотива.

Отдельным направлением является создание механизмов «human rights due diligence for individuals». Если корпоративный due diligence уже стал стандартом для компаний, то аналогичная проверка необходима и на уровне оценки рисков для конкретного лица: перед экстрадицией, передачей финансовой информации, реагированием на заморозку активов или международный розыск. Такой инструмент мог бы включать стандартизированные чек-листы (наличие корпоративного конфликта, связи с whistleblowing, участие в расследовании коррупции, смена власти и т.д.), а также обязательное привлечение независимых экспертов по региону. Это позволило бы превратить права человека и политический контекст из факультативного элемента в системный критерий принятия решений.

9.3. Юридическим и академическим центрам

Юридические клиники, исследовательские институты, правозащитные НКО и университетские центры играют ключевую роль в формировании эпистемической базы для защиты элит, беженцев и whistleblowers из авторитарных режимов. Им рекомендуется развивать специализированные направления исследований, посвящённые трансграничному давлению, политико-экономическим преследованиям, Interpol Abuse, экстрадиционным рискам и защите свидетелей крупной коррупции. Это включает как академические исследования (монографии, сравнительные анализы, эмпирические базы), так и практическую экспертизу для адвокатов и судов.

Особое значение имеет формирование структурированных баз данных кейсов. Речь идёт не просто о сборе историй, а о систематизации информации: тип обвинений, используемые статьи, роль силовых органов, участие Интерпола, решения национальных судов и международных органов, влияние на активы и семьи. Такие базы позволят выявлять устойчивые схемы, сравнивать практики различных государств и выстраивать аргументацию в новых делах, опираясь на уже существующие прецеденты и паттерны.

Наконец, важно развивать концепцию и практику международного “права политико-экономической защиты” как отдельного междисциплинарного направления. Оно должно объединять международное право прав человека, уголовное право,

инвестиционное право, санкционное регулирование, финансовую криминологию и политологию. Академические центры могут разрабатывать модели тестов и индексов (например, индекс политико-экономического риска преследований по странам), готовить типовые правовые позиции для судов, формировать обучающие программы для адвокатов и судей. В перспективе это позволит перейти от фрагментарной защиты отдельных лиц к системному подходу, где международное сообщество располагает чётким набором критериев, инструментов и знаний для оценки и противодействия трансграничным политико-экономическим преследованиям.

10. Заключение

Международная защита элит, предпринимателей, whistleblowers и иных политико-экономически уязвимых лиц перестала быть исключением и превратилась в новый фундамент мировой безопасности. На фоне деградации судебных институтов в ряде авторитарных государств, расширения силового контроля над экономикой и интернационализации корпоративных войн, защита таких категорий стала не гуманитарной опцией, а стратегическим компонентом глобального правового порядка.

В 2016–2025 гг. наблюдается устойчивый сдвиг: уголовное преследование, конфискация активов, Interpol Abuse, экстрадиционные запросы, давление на семьи и медийные атаки используются синхронно, взаимодополняя друг друга. Это формирует новый тип угроз — политико-экономическое преследование транснационального характера, которое сочетает инструменты государства, спецслужб, криминальных групп и корпоративных акторов.

ARGA Observatory фиксирует, что старая модель убежища и защиты прав человека больше не охватывает весь спектр современных рисков. Нужен новый подход — система международной защиты лиц с повышенной ценностью информации, экономическим влиянием и политическим конфликтным потенциалом. Такая система должна учитывать трансграничность преследований, финансовые механизмы давления, роль Интерпола, цифровую инфраструктуру, а также угрозы семьям и активам.

Доклад формирует академическую базу, описывает угрозы, демонстрирует механизмы и предлагает стратегию. Следующий этап — институционализация защиты: создание регистров, индексов рисков, международных юридических протоколов и системы мониторинга. Будущая архитектура прав человека будет определяться не только правом убежища, но и способностью международных институтов защищать людей, которые стали объектами давления не за убеждения, а за доступ к экономической власти, данным, капиталу и стратегическим ресурсам.

Мир вступает в эпоху, где защита личности становится защитой экономики и региональной стабильности, а международное право — полем для столкновения государств и корпораций. ARGA Observatory продолжит исследовать и документировать этот процесс, формируя основу для новой, более сложной и более точной системы глобальной защиты.

ИСТОЧНИКИ

1. OHCHR, *Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment*, 10 December 1984, <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-against-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading>.
2. ECHR, *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms*, 1950, https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng.
3. EUR-Lex, Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013R0604>.
4. Eurostat, Statistics on countries responsible for asylum applications (Dublin Regulations), June 2025, [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Statistics_on_countries_responsible_for_asylum_applications_\(Dublin_Regulation\)](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Statistics_on_countries_responsible_for_asylum_applications_(Dublin_Regulation)).
5. INTERPOL, Rules of Processing of Data, 2024, https://www.interpol.int/content/download/5694/file/27%20E%20RulesProcessingData_RPD_2024.pdf.
6. EU, Misuse of Interpol's Red Notices and impact on human rights – recent developments, January 2019, https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/603472/EXPO_STU%282019%29603472_EN.pdf.
7. New Lines Institute, Ted R. Bromund, How the Abuse of Interpol Contributes to Transnational Repression, July 2025, https://newlinesinstitute.org/wp-content/uploads/20250715-Interpol-Abuse_policy-report-nlisap.pdf.
8. Global Initiative, The Global Illicit Economy, March 2021, <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2021/03/The-Global-Illicit-Economy-GITOC-Low.pdf>.
9. Cornell University, Ho-Chun Herbert Chang, Brooke Harrington, Feng Fu, Daniel Rockmore, Complex Systems of Secrecy: The Offshore Networks of Oligarchs, 6 March 2023, <https://arxiv.org/abs/2303.03371>.
10. OECD, Combatting High-Level Corruption in Eastern Europe, 2024, https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/09/combating-high-level-corruption-in-eastern-europe_1f4dff82/3c82f87d-en.pdf.